Первая глава. Введение

Осень в академии пахнет уютно. Клюквенные сконы невероятно сладкие, а выжженный на солнце газон отдаёт легкой горчинкой.

Четыре девочки сгрудились у каменного стола во внутреннем дворике, деля пирог и до покраснения в лицах споря о том, кто зачерпнул последнюю ложку мёда. Кто-то вставал на цыпочки, поднимал фотоаппарат над головой и кричал: «Смотрите в объектив!», а кто-то украдкой поддвигал свой кусочек к той, кто ел быстрее всех.

Они думали, что так будет всегда, каждый день.

Она аккуратно приклеила последнюю фотографию в альбом подруги, разгладив пальцем уголки. На полоске-наклейке были указаны дата и место.

На следующий день, открыв альбом, она обнаружила, что та страница пуста.

Она протёрла глаза и перелистала заново. На бумаге остался лишь едва заметный след от высохшего клея, но самой фотографии не было.

Она захлопнула альбом и засунула его обратно.

Третья магическая академия Оури. Старое учебное заведение со славным военным прошлым, затерявшееся у северной границы республики, рядом с небольшим городком, окруженным хвойными лесами.

Эта академия умеет улыбаться так тепло.

Но бывает и так, что она не улыбается.

Она сидит среди них, улыбается, механически крутя пальцами застежку на рюкзаке.

Пломба на двери в конце коридора пожелтела от старости. Проходя мимо, она замедлила шаг, а в нос ударил слабый запах гари — еле уловимый, словно просачивающийся из трещины в стене.

Кто-то окликнул её сзади, и она ускорила шаг, не оборачиваясь.

В столовой она налила горячее какао в три чашки. Четвертая чашка осталась пустой, одиноко стоя на краешке стола — никто и словом не обмолвился о том, кому она должна принадлежать.

Она взяла свою чашку и сделала глоток. Обжигающе. Кончик языка онемело, а глаза защипало от подступившего тепла.

— Ничего страшного. Наверное, просто слишком быстро выпила.

После вечерней самоподготовки она шла позади всех, наблюдая, как впереди две фигуры рука об руку сворачивают в лестничный пролет. Их смех звучал обрывками, рассыпаясь на теплые осколки.

Она чуть выше подтянула лямки рюкзака и, опустив взгляд, заметила, как свет из коридора вытягивает её собственный силуэт в длинную тень, словно кто-то цепляется за её лодыжки сзади.

Вернувшись в комнату и заперев дверь, она снова открыла альбом, остановившись на той самой пустой странице.

Следы от клея все еще были на месте.

Она долго вглядывалась в них.

В темноте до нее донесся приглушенный смех из соседней комнаты. Кто-то ворочался на подушке, кто-то бормотал про булки, которые нужно купить завтра.

Она натянула одеяло до самого подбородка и закрыла глаза.

Главное, что эти голоса все еще звучат.

Вторая глава. Персонажи

Бесни

На первом курсе по коридорам ходил листок с анонимным голосованием.

Опрос назывался: «Кому из учеников вы больше всего хотели бы поручить роль партнера по иллюзиям?» Имя Бесни было написано на самой первой строчке, а под ним красовалось двадцать семь черточек — по правилам счета. У занявшего второе место их было всего пять. Организатора этого опроса так и не нашли, но кто-то видел, как Бесни, проходя мимо доски объявлений, бросила на нее взгляд, морщила нос и просто забрала листок с собой.

На следующий день на том же самом месте появилась новая записка.

«Кого бы вы больше всего хотели угостить пятничным черничным суфле из столовой?» Вариант ответа был всего один: Бесни. А снизу ее собственным почерком — нарочито криво и косо — красовалась ее собственная подпись.

Хозяйка школьной лавки рассказывала, что эта девушка с короткой серой стрижкой каждый раз покупает одно и то же: две маленькие коробочки леденцов — одну для себя, а вторую неизвестно для кого. Расплачиваясь, она никогда не спешила рыться в мелочи, выкладывая на прилавок ровно столько, сколько нужно, а потом аккуратно подравнивала пальцем ряды монет, чтобы все лежало идеально ровно.

— До чего же правильная девочка, — отзывалась о ней хозяйка. — Но когда улыбнется — вся правильность куда-то девается.

В академии насчитывалось около сотни учеников, но никто не мог точно описать эту улыбку. Уголки январских глаз чуть приподнимались, подбородок слегка опускался, и все лицо словно озарялось изнутри — не успеваешь опомниться, а она уже говорит что-то совсем другое.

Однажды второкурсник попытался похвастаться перед ней и продемонстрировать новообретенное заклинание светового шара, но перепутал волшебную палочку и залепил световым шаром прямо себе в лицо. Все в коридоре покатывались со смеху, кроме Бесни.

Она подошла, достала из кармана платок и протянула со словами: «На рукояти есть выемка, ее нужно держать со стороны большого пальца».

Позже этот парень всем вокруг твердил: «Бесни — отличный человек».

Ее соседка по комнате, Изэра, выражала по этому поводу определенный скептицизм: «Отличные люди не подкладывают в твою постель иллюзорного паука, пока ты валяешься в постели».

Сама Бесни отвечала на подобные обвинения лишь легкой улыбкой.

И хранила упорное молчание.

Но эта улыбка сама по себе была лучшим признаком вины.

Короткий «конский хвост» изящно взметнулся на повороте коридора и исчез, оставив после себя легкий шлейф лимонной карамели и двух ошарашенных первокурсников.

Библиотекарь отзывалась о ней так: «Постоянно берет книги по оптическому преломлению, а книги сдает строго в срок».

А инструктор по физической подготовке по фамилии Ли высказался короче: «Бегает не быстрее всех, но никогда не жалуется. С такими учениками тяжелее всего справиться».

Когда ее спросили, кем она хочет стать в будущем, она склонила голову набок и немного подумала.

— Открою конфетную лавку.

Никто не знал, шутит она или нет. Но когда она произнесла это своими янтарными глазами, в них читалась абсолютная серьезность.

Изэра

Хозяин пекарни в Мерле отлично ее знал.

И вовсе не из-за ее фамилии — Ромирати, которая, если верить слухам, уходила своими корнями еще в эпоху Старой Империи, в этом захолустном городке значила куда меньше, чем свежеиспеченная ореховая булка.

Все дело было в том, что каждую субботу ровно утром она неизменно появлялась у прилавка: съехавшие набок очки в белой оправе, расстегнутая на одну пуговицу верхняя пуговица школьной формы, а облако пара от дыхания превращало стекло витрины в сплошной туман.

Она всегда сначала заглядывала на самую дорогую полку, где лежали миндальные круассаны и медовые бриоши… Ее глаза загорались так, будто в них только что бросили две золотые монеты.

Затем она опускала взгляд, шарила по карманам и отсчитывала несколько медных монет.

В конце концов она покупала самые дешевые простые булочки. Ровно две штуки.

Одну она грызла по дороге, а вторую, завернутую в оберточную бумагу, запихивала в боковой карман рюкзака.

— Кому это? — не удержавшись, как-то спросил пекарь.

Она поднесла булочку ко рту, откусила огромный кусок и невнятно пробормотала:

— Соне, которая вечно не может встать по утрам.

Сказав это, она первой рассмеялась, и крошки полетели прямо на ее шарф.

Однокашники по духовому оркестру отзывались о ней так: «На репетициях выкладывается на полную, с чистейшим энтузиазмом фальшивя во все горло. Но почему-то, когда она ошибается в нотах, всем становится легче, и игра идет как по маслу. Наверное, все дело в том, что кто бы ни оплошал, всегда найдется кто-то, кто лажает еще круче».

Сама Изэра яростно отрицала подобные заявления. Однако ее распухшие от игры на трубе щеки, похожие на красные яблоки, кто-то даже зарисовал на уголке доски в классе кружка. Мало того, что она не стала это стирать, она еще и приписала снизу: «Похоже совсем не так, я в жизни красивее».

Ее сумка неизменно оставалась самой беспорядочной среди всех четырех девочек. Учебники перемешивались с журналами, фантики от конфет служили закладками в конспектах, а запасная пленка для фотоаппарата мирно соседствовала с ластиком на самом дне пенала. И тем не менее, она способна была за три секунды выудить из этого хаоса абсолютно любую нужную вещь. Сама она называла это врожденным талантом.

В библиотеке во время сессии она с огромной вероятностью засыпала прямо за столом. Носом утыкаясь в раскрытый учебник, очками наперекосяк, съехавшими чуть ли не на ухо, она тихонько посапывала во сне.

Каждый раз кто-нибудь обязательно аккуратно снимал с нее очки, убирал их подальше и набрасывал на плечи пальто.

Проснувшись, она протирала глаза, и первыми ее словами неизменно становились:

— Есть хочу.

А вторыми:

— Кто это меня укрыл?

Никто не признавался. Она и не допытывалась — просто обнимала пальто, улыбалась и шла в столовую.

Присцилла

Седрик, преподаватель фехтования, как-то обмолвился о ней парой слов.

Говорят, это случилось после внутренних соревнований, когда он бросил фразу другому учителю. Стоя в другом конце коридора, проходящие мимо ученики уловили лишь хвост фразы:

— …В движениях нет ничего лишнего. Прямо как часовой механизм.

Эта фраза три дня гуляла среди первокурсниц, пока наконец не дошла до самой Присциллы.

Никакой реакции. Она просто перевернула страницу читаемой книги.

Кто-то рядом с опаской произнес:

— Слушай, Присцилла… тебе не кажется, что сравнение с часами звучит довольно круто?

Она бросила на собеседницу взгляд. Ее сине-голубые глаза были спокойны, как озерная гладь после первых заморозков.

— Часам нужен завод, — произнесла она. — Мне — нет.

Собеседница не нашлась что ответить и предпочла замолчать.

Зато на следующее утро кто-то заметил на уголке ее парты крошечный стикер размером с большой палец, на котором ее собственным почерком было выведено: «Часы», а рядом — маленький, слегка кривоватый кружочек.

То ли точка. То ли циферблат. Спросить никто не осмелился.

Ее присутствие в школе было странным и противоречивым. Она не любила болтать, никогда первой не ввязывалась в праздные разговоры, в столовой всегда садилась на одно и то же место, а поднос держала с такой торжественностью, словно несла кубок победителя.

И тем не менее, если остановить любого первокурсника и спросить, кто из их потока запомнился ему больше всего, с вероятностью в пятьдесят процентов вы услышите ее имя.

Потому что, когда она бралась объяснять кому-то теоретические основы магии, ее терпение переходило все мыслимые границы.

Один парень, который панически ее боялся, набрался храбрости и подошел спросить про формулу вывода заклинаний синергии. Она пять секунд молча смотрела на поданный им листок, исписанный сплошными ошибками.

Парень уже был готов извиниться и сбежать.

Но она произнесла:

— Садись.

И после этого битых сорок минут заново втолковывала ему все с самого первого шага. Исписала два черновика. В конце она положила ручку, сказала: «Иди и сделай сам еще раз» — и молча удалилась.

http://bllate.org/book/30765/3751663